

с императором, которую Саргелогос датирует 1091—1096 гг. (стр. 39)— но ведь агнограф уже упоминает здесь Орфанотрофион св. Лавла, организация которого относится к самому концу правления Алексея! В гл. 41,1 говорится, что Кирилл свыше 50 лет не пил вина и не ел фруктов, кроме айвы,— поскольку он начал аскетический образ жизни в 30 лет, ему должно было быть в это время свыше 80. Так как он родился в 1015 г., то рассказанные события могут быть отнесены к 1095 или последующим годам. Несколько ниже (гл. 46,10) повествуется о том, что Кирилл провел в келье свыше 40 лет. Известно, что он постригся, имея 14-летнего сына, который мог родиться между 1035—1042 г. Значит, пострижение Кирилла относится к 1049—1056 гг., а действие гл. 46, когда прошло свыше 40 лет,— к 1089—1096 гг. Между гл. 41 и гл. 46 не оказывается никакого хронологического промежутка. К тому же за гл. 46 следует рассказ о первом визите Алексея I, где упоминается победа над печенегами в 1091 г., что было бы естественно, если бы действие гл. 47 происходило сразу после одержанного успеха, а не в разгар крестоносной опасности, как это вытекает из наших расчетов. Хронология Жития требует более осторожного отношения.

А. К.

SANCTI ROMANI MELODI CANTICA. CANTICA GENUINA.

Ed. by P. Maas and C. A. Trypanis. Introd. by C. A. Trypanis. Oxford, Clarendon Press, 1963, 548 p.

ROMANOS LE MELODE. HYMNES.

Préface de P. Lemerle. Introd., texte critique, traduction et notes de J. Grosdidier de Matons. Tomes I—II. Paris, 1964—1965 («Sources chrétiennes», 99 et 119). 449 p., 394 p.

Романа Сладкопевца иногда называли «христианским Пиндаром». Это сравнение не слишком удачно (ведь никому не придет в голову назвать Айя-Софию «христианским»),— или, скажем, византийским — «Парфеноном», но оно, во всяком случае, не обидно для великого боготийского лирика; творчество Романа в своем роде не менее «классично». По адекватности воплощения определенной картины мира, по зрелости и цельности художественной воли, по уверенному владению четко отобранными и строго организованным языком форм оно в самом деле не уступало шедеврам античной классики. К тому же эти литургические поэмы при всей неизбежной условности своей топики отличаются поразительным чувством жизни, народной цельностью эмоции и нравственной оценки, короче — той свежестью и естественностью, в которых так часто отказывали византийской культуре и которых в самом деле нередко недостает гнереатически импозантным творениям церковной поэзии последующих поколений.

Кондаки Романа — не просто «текст», не просто «исторический памятник», содержащий сведения о распорядке церковного года или даже о мировоззрении византийцев VI в., но прежде всего — живая поэзия, настоятельно требующая, чтобы ее в этом качестве и изучали. Между тем сделано здесь мало. Если Роман — это «христианский Пиндар», то ведь над текстами его античного собрата классическая филология трудится уже четыре с половиной столетия, в то время как полное издание текстов Романа до последнего времени вообще не предпринималось (такое издание было запланировано в свое время Крумбахером, но выполнить этого он уже не успел). Правда, с 1876 г., когда кардинал Питра впервые опубликовал 29 кондаков Романа¹, был осуществлен ряд частичных изданий Крумбахера, а позднее — Дж. Камелли, Э. Миони, одного из авторов аннотируемого оксфордского издания П. Мааса и др. Но полное издание оставалось в числе desiderata.

Очевидно, полным должно стать многотомное издание Н. Томадакиса, начавшее выходить в 1952 г.² Судя по отзывам, это издание не претендует на дефинитивный характер³. Наконец, в последние годы параллельно с изданием Томадакиса выходят тома изданий Мааса — Трипаниса и Гродидье де Матона. Каждое из них имеет свои достоинства и недостатки, на которых мы и остановимся.

Прежде всего — о диспозиции материала. В том I оксфордского издания (пока единственный) вошли 59 кондаков, обозначенных как подлинны (из общего числа 85). Принимая во внимание, что сам Трипанис признает вопрос об автентичности подавляю-

¹ *Analecta sacra*, I. Paris, 1876, 1—241.

² N. T o m a d a k i s. Ῥωμανοῦ τοῦ Μελοδοῦ ὕμνοι ἐκδιδομένοι ἐκ Πατριαρχῶν κωδικῶν. Ἀθήναι, I — IV, 1952—1961.

³ Это обусловлено уже тем, что Томадакис и его ученики используют лишь две рукописи (Patm. 212 и 213), хотя и первообразные. Ср. замечание П. Лемерля в предисловии к аннотируемому парижскому изданию, стр. 10.

щего большинства кондаков неясным⁴, делать эту автентичность формальным структурным критерием издания достаточно неблагоприятно. В рамках самого тома кондаки разнесены по 5-ти тематическим рубрикам: жизнь Христа — прочие новозаветные темы — ветхозаветные темы — «различные сюжеты» — агиографика. Это членение, само по себе усложненное (евангельские сюжеты попадают в первую, вторую и четвертую группы), проведено нечетко. Так, если гимн на сошествие св. духа, логически относящийся ко второй группе, вошел в первую, то евангельские притчи, очевидным образом представляющие часть новозаветной тематики, попали в заголовную рубрику «Различные сюжеты», где с ними соседствуют дидактические кондаки-проповеди на общеморальные темы («О покаянии» и т. п.). Иногда распределение почти причудливо. Знаменитый гимн о Страшном Суде («Ὁταν ἔλθῃς, ὦ Θεός...»), почти совпадающий по своей топике с «Dies irae», искусственно оторван от родственного ему по тону кондаков «учительной» группы и попал в разряд гимнов, посвященных «личности Христа», — на том основании, что он трактует о «втором пришествии» последнего. Итак, в этом случае составители сочли более важным критерием формальную прикрепленность к определенному моменту космической «биографии» второго лица троицы (хотя всякий согласится, что образ самого «судии» в гимне едва намечен и отнюдь не определяет собой характер его содержания); казалось бы, мы вправе ожидать приложения того же критерия к кондаку на вторую неделю поста (Συδλασον, ἡ φυγή μου ...), где весьма драматично изображен определенный эпизод из «священной истории», а именно — грехопадение прародителей. Но нет, — кондак попал не в ветхозаветную группу, которую ему столь естественно было бы открывать собой, а в группу «различных сюжетов», ибо на этот раз авторы сочли более важным критерием проповедническую интонацию гимна и вложенное в него превознесение спасительного действия поста. Но какой гимн Романа, будь его сюжет сколь угодно конкретным, повествовательным и драматичным, чужд общих рассуждений гомилетического свойства? Таковы законы жанра. Принятая Маасом — Трипанисом диспозиция не только затрудняет поиски нужного кондака (ибо читатель должен сначала выяснить, относят ли издатели этот кондак к подлинным или нет, а затем сообщать, в какой группе он может находиться)⁵, но и едва ли способствует особой наглядности в выявлении тематических интересов поэта.

В противоположность этому распределение текстов в издании Гродидье де Матона отличается практическим удобством и ясностью. Все повествовательные гимны на сюжеты обоих заветов идут в простейшем «хронологическом» порядке и должны составить ничем не перебиваемый цикл от грехопадения прародителей до сошествия св. духа (пока второй из аннотированных томов замыкается кондаком «На исцеление прокаженного» и оба тома в совокупности содержат 20 гимнов)⁶. Затем должны следовать чисто дидактические и медитативные гимны с минимальным содержанием сюжетности, а после этого — кондаки с агиографической тематикой.

Подход французского издателя к вопросу автентичности отличается явным «лакцизмом», контрастирующим с «ригоризмом» Мааса — Трипаниса [подход последних подвергнут критике и в предисловии П. Лемерля (т. I, стр. 11)].

Вступительная статья к английскому изданию (составлена Трипанисом) по своей содержательности и поучительности, бесспорно, превосходит статью Гродидье де Матона. Заслуживает быть особо отмеченным тот раздел статьи Трипаниса, где излагаются сведения и соображения, касающиеся жанрового генезиса кондака (стр. XII — XIV); читатель должен быть особенно благодарен автору за информацию о родственных явлениях мало кому известной сирозычной литературы. Подробно останавливается Трипанис и на индивидуальных особенностях творчества Романа (грамматические семитизмы и т. п.).

Вступительная статья французского издателя сколько-нибудь подробно останавливается лишь на чисто текстологических вопросах. Перечисление изданий (на стр. 45—55 I тома) заведомо неполно. В частности, русскому читателю бросится в глаза отсутствие в этом перечне осуществленного М. Параникой издания кондака *Ἡ Γαλιλαία τῶν ἐθνῶν*?,..., которое дает ряд конъектур сравнительно с предшествовавшим изданием Евморфопулиса, — впрочем, последнего Гродидье де Матон равным образом не упоминает. Самая обстоятельная часть статьи — раздел о рукописях (стр. 19—44). Напротив, более общая ее часть поражает своей односложностью. Автор скороговоркой сообщает

⁴ Ср. стр. XV издания. Вообще говоря, тон Трипаниса создает впечатление, что отбор «подлинных» гимнов следует всецело отнести за счет П. Мааса, к журнальным статьям которого читатель и отсылается за аргументами в пользу именно такого, а не иного отбора.

⁵ Впрочем, эти поиски существенно облегчены приложенной к тому таблице, где номера издания даны параллельно с номерами издания Крумбахера (K. K. u. s. b. a. c. h. e. r. Die Akrostichis in der griechischen Kirchenpoesie. München, 1903).

⁶ Вместе с приложением к I тому, содержащим сомнительный кондак об Ионе, — 21. Когда эта рецензия уже была написана, вышли в свет III и IV тома (Paris, 1965—1967), завершающиеся 45-м гимном.

⁷ См. ВВ, V, 1898, стр. 681—696.

(без единой ссылки на источники или на специальную литературу!), кто такой был Роман и что такое кондак, затратив на это полторы страницы. Не совсем ясен адресат такой справки: читатель-специалист, на которого очевидным образом рассчитана текстологическая часть статьи да и само издание, едва ли в ней нуждается. Если же предполагается более широкий читатель (в самом деле, как мы увидим, издание Гродидье де Матона носит более экзотеричский характер, чем издание Мааса—Трипаниса), то для него эта справка при всей своей элементарности слишком невыразительна и отрывочна.

Правда, этот недостаток французского издания отчасти компенсируется тем, что в нем, в отличие от английского, каждому гимну предпослана отдельная вступительная статья объемом до 8—10 стр. Тематика этих статей неоднородна. Непременные компоненты каждой из них — геортологическая справка, устанавливающая место данного гимна в системе византийского литургического года, и довольно подробный анализ метрической стороны гимна, иллюстрируемый таблицей. Несравненно меньше внимания уделено прочим литературным аспектам текстов; здесь издатель, как правило, ограничивался оценочными замечаниями типа: «качество формы изобличает в поэте полное владение своим искусством», или: «этот гимн далек от драматической мощи, которая отличает предыдущий», и т. п. Принимая во внимание характер серии «Sources chrétiennes», довольно естественно, что интересы теологов и историков религии были учтены в этих вступительных статьях в гораздо большей степени, чем интересы литературоведов. Впрочем, и религиозно-философское содержание гимнов, нередко представляющее очень яркий материал для характеристики общественной мысли эпохи (назовем хотя бы гимн на богоявление, идущий в издании Гродидье де Матона под номером 17 и довольно пренебрежительно им третируемый), лишь случайно подвергается серьезному разбору, хотя отдельные замечания издателя на этот счет метки и убедительны.

Французское издание имеет еще одну отличительную черту: параллельно с текстом гимнов дается их прозаический французский перевод. Этот перевод, выполненный тем же Гродидье де Матоном, корректен, ясен, осторожен⁸, но довольно бесцветен; это — неизбежное свойство прозаического и более или менее дословного переложения поэтического текста (хотя старый латинский перевод Питра, выполненный в том же жанре, был едва ли не выразительнее). Как бы то ни было, этот перевод имеет несомненную ценность научного истолкования текста; но прилагать к нему художественные критерии нет никаких оснований. А это жаль, ибо Роман — большой поэт.

Если том Мааса—Трипаниса не содержит вступительных статей к отдельным кондакам с их метрическим анализом, то он дает в особом приложении метрические схемы всех гимнов. Кроме того, уже первый том снабжен именованным указателем (указателя к французскому изданию приходится ждать, очевидно, в его заключительном томе).

С. А.

⁸ Порой даже, пожалуй, чрезмерно осторожен. Так, при истолковании слова $\epsilon\chi\acute{\omega}\rho\epsilon\iota\varsigma$ в третьей строфе упоминавшегося кондака на богоявление (т. II, стр. 275) сознательно неопределенная интерпретация переводчика едва ли предпочтительнее толкования, предложенного в свое время Питра (Analecta sacra, I, Add., 680), где $\chi\omega\rho\epsilon\iota\nu$ с опорой на новозаветное словоупотребление понято как «постигать», «улавливать».